

Генезис и ритуальный смысл белорусских волочечных песен

DOI 10.31483/r-101540

УДК 82.3

Ковалева Р. М.

Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь. <https://orcid.org/0000-0001-6764-1652>, e-mail: rmkovaleva@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме происхождения весенней волочечной обрядности белорусского народа. Она рассматривается на основе анализа мифоритуального смысла волочечных песен и в сравнении с зимней колядной обрядностью. *Цель* статьи – обнаружить общие жанровые и мифоритуальные корни волочечных и колядных песен, обратить внимание на причины разной актуализации христианских мотивов. На основе историко-генетического *метода* происхождение волочечных песен связывается с общим для календарной обрядности хрономифом. Их ритуальный смысл состоит в его магическом воссоздании путем песенной актуализации определенных хронообразов, хрономотивов, сюжетных хроноситуаций. Выявлено, что колядные и волочечные песни, различающиеся временем исполнения, в целом выглядят как наследники гимничного архежанра, возникшего из древнейших магических возгласов путем развития содержательного текста. Оба цикла сохраняют общие архаические черты, но генетическая связь с христианской идеологией в волочечных песнях явно выше за счет ритуальной интеграции разных календарей – природного, трудового и христианского. Колядные и волочечные песни соотносятся с параллельными календарными системами, что является следствием былой диалектности обрядовой культуры предков белорусов. В заключение делается *вывод* о том, что при определенном совпадении ареалов волочечных и колядных песен ядро последних находится в Полесье, что можно рассматривать как результат былой диалектности календарно-обрядовой культуры протобелорусских племен, параллельного существования разных календарных систем и тем самым закрыть проблему исторического первородства волочечных или колядных песен как научно неактуальную.

Ключевые слова: волочечные песни, колядные песни, хрономотивы, гимничный архежанр.

Для цитирования: Ковалева Р. М. Генезис и ритуальный смысл белорусских волочечных песен // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 11-14. DOI:10.31483/r-101540.

Research Article

Genesis and Ritual Meaning of Belarusian «Volochohnye» Songs

Rimma M. Kovaliova

 Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus. <https://orcid.org/0000-0001-6764-1652>, e-mail: rmkovaleva@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the problems of the origin and ritual meaning of the spring «volochobnye» rituals of the Belarusian people. Those rituals have been analyzed through the mythological and ritual meaning of the «volochobnye» songs and in the comparison with the winter «Kolyada» rituals. The *purpose* of the article is discovering the common genre and mythological roots of the «volochobnye» and «kolyadnye» songs with attention to the reasons for different actualization of Christian motives. Based on the historical-genetic *method*, the origin of Belarusian «volochobnye» songs is associated with a chronomorph common to calendar rituals. Their ritual meaning is in magical recreation of the chronomorph through actualization of certain chrono-images, chronomorphs, plot chronosituations in the songs. It has been revealed that the «kolyadnye» and «volochobnye» songs, which differ in the time of performance, look like the heirs of the hymnic archegenre, which arose from the most ancient magical exclamations through the development of a meaningful text. Both cycles retain common archaic features, but the genetic connection with the Christian ideology in the «volochobnye» songs is clearly higher due to the ritual integration of different calendars – natural, labor, and Christian. «Kolyadnye» and «volochobnye» songs correlate with parallel calendar systems, which is a consequence of the former dialectic nature of the ritual culture of the ancestors of the Belarusians. It has been *concluded* that with a certain coincidence of the areas of «kolyadnye» and «volochobnye» songs, the core of the latter is in Polesye, which can be considered as a result of the former dialectic nature of the calendar and ritual culture of the proto-Belarusian tribes, the parallel existence of different calendar systems and thereby close the problem of the historical primogeniture of either «volochobnye» songs or «kolyadnye» songs as scientifically irrelevant.

Keywords: «volochobnye» songs, «kolyadnye» songs, chronomorphs, hymnic archegenre.

For citation: Kovaliova R.M. (2022). Genesis and Ritual Meaning of Belarusian «Volochohnye» Songs. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(1), 11-14. (in Russ.). DOI:10.31483/r-101540.

Введение

Шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого столетия ознаменовались активным собиранием, изучением и публикацией волочечных песен, исполняемых во время обходного обряда на Великдень (Пасху) группой волочечников. Вышел в свет специальный том «Валачобныя песні» (1980), содержащий 440 текстов и 90 нотных примеров. Белорусский

фольклорист Арсень Лис посвятил их исследованию специальную работу «Валачобныя песні» (1989), где остановился на истории собирания и изучения произведений, характерных для фольклорного континуума белорусов, высказал свои соображения относительно их генезиса и акцентировал внимание на эстетической составляющей песен, адресованных хозяевам и их детям. Подобно другим фольклори-

стам, он посчитал определяющей аграрно-магическую функцию волочечных песен, что в принципе не вызывает возражений, но представляется недостаточным. Надо сказать, что в белорусской науке мифологическая основа календарной обрядности зачастую сводилась к бессистемному перечислению различных природных культов, лежащих в ее основе, но глубинный ритуальный смысл, как правило, оставался вне поля зрения. Причина состояла в том, что упускался из виду объединяющий момент народного календаря – миф о циклическом времени. Именно он впоследствии определил появление в волочечных песнях группы произведений о божественном сотворении года, в ином случае это было бы невозможно. Данный цикл закономерно опирался на древнюю ритуальную идею воссоздания времени путем соединения обрядовых действий с магическими песнями, которые, в свою очередь, содержали знаковые хронообразы, хрономотивы, сюжетные хроноситуации.

Но что это за время? Как оно соотносится с пространством? В чем отличие художественного мира волочечных песен от художественного мира колядок? Решение этого вопроса имеет особое значение для белорусской традиции. Ей свойственно органичное переплетение двух основных календарных систем – с зимним новым годом на Коляды и весенним на Великдень (Пасху). В этнофольклористике данное обстоятельство привело к актуализации проблемы «первородства» колядной или волочечной обрядности, решение которой осложнялось определенной общностью их песенного репертуара и поэтики. Относительно происхождения колядного и волочечного циклов высказывались разные мнения:

1) волочечные песни древнее колядок, поскольку связаны с празднованием исконного у славян нового года;

2) волочечные песни вторичны по отношению к колядкам, так как их ареал ограничен в основном белорусскими землями [4, с. 61].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил песенный репертуар двух календарных обрядов – волочечного и колядного. На основе сравнительно-исторического метода генезис белорусских волочечных песен рассматривается в русле общего для календарной обрядности мифа о священном циклическом времени.

Результаты и их обсуждение

Полагаем, что колядные и волочечные песни, различающиеся временем исполнения, в целом выглядят как наследники гимничного аржежанра, возникшего из древнейших магических возгласов путем развития содержательного текста. Оба цикла сохраняют общие архаические черты, но генетическая связь с христианской идеологией имеет в них разную степень интенсивности: в волочечных песнях она явно выше за счет ритуальной интеграции разных кален-

дарей – природного, трудового и христианского, что как раз могло наталкивать ученых на мысль об их позднем происхождении.

Циклы различаются объемом и содержанием припевов. Колядные песни исполняются в основном с гимничными припевами-призывами «Каляда!», «Гэй, каляда!», относящимися к древности, а также с развернутыми рефренами «Святы вечар, добры вечар!», «Раю раіўся, Хрыстос нарадзіўся на тваім двары!», появившимися под влиянием христианства. Между тем мотив вечернего приезда Коляды с дарами по-прежнему знаменует не что иное, как возрождение нового годового времени в полном его объеме. Метаязык колядной обрядности достаточно скромнен, в то время как волочечной богат и разнообразен. Функция произведений – мажорными гимничными припевами оповещать о чуде весеннего обновления природы и воскрешения Христа. Поразительно их количество: «Вясна красна на дварэ!», «Вясна красна, зялёна!», «Вясна красна к нам прышла!», «Жаркае сонца ў ваконца!», «Траўка-мураўка зеляная!», «Зялёна ёлка-сасонка!», «Зялён явар, кудравы!», «Чырвоны цвет на ўвесь свет!», «Да віно ж маё зеляное!», «Ляля вада на возеры!», «Гэй, лолам!», «Няхай так будзе!», «Спявайце, братцы, спявайце!», «Іграйце, малойцы, спявайце!», «Хрыстос вакрэс, Сын Божы!», «Слава табе, Божа, на ўвесь свет!» и т. п. Ядро ареала волочечных песен фокусируется в Поозерье (Витебщина) и Центральной Беларуси (Минщина). В местной традиции их называют по-разному, среди них валачэнныя, валачэдныя, кукольныя, валоўніцкія, валхоўныя, лалоўныя, лалынкi, ралешныя, ральцавальныя, ранцавальныя и др. Некоторые из определений ясно мотивированы, другие более-менее поддаются интерпретации, третьи представляют собой лингвистическую загадку. Например, название «валхоўныя» явно соотносится с понятием «волхование» / «волхвы». Трудно с уверенностью говорить, о каких именно волхвах идет речь. Солидаризируясь с А. Ф. Лосевым, который относился к этимологии как к сомнительному источнику для установления мифов [5, с. 105], все же не можем обойти вниманием ряд ассоциативных сходжений, позволяющих в ряде случаев высказать некоторые этимологические соображения, подтвердить или опровергнуть которые могли бы специалисты. Ведущий исследователь волочечных песен А. С. Лис полагал, что «ва ўяўленні многіх пакаленняў вялікдзень быў звязаны з адраджэннем прыроды, пачаткам палявых работ» [4, с. 9–10]. Напрашивается вопрос, не со словом ли «ралля» (пашня) связаны названия «ралешныя», «ральцавальныя» песни? Отдавая отчет в шаткости предположений, позволим обратить внимание на ассоциативную связь названия «ранцавальныя» с белорусским словом «раніца» (утро). На определенные размышления наводит также широкое распространение в белорусских календарно-обрядовых песнях припева «Рана-рана» в связи с ведийским гана «наслаждение» и близким ему по смыслу волочечным рефреном «Лолам!», передающим, по

мнению Л. М. Соловей, «настрой радасці, задавальнення, выгоды», хотя его первоначальное значение остается неясным [1, с. 31].

Итогом соединения традиционного календаря «трудов и дней» земледельца с христианским календарем почитания святых праздников и заступников, где четко прописаны вполне земные опекунские функции святых, стала целостная художественная картина года, предстающая в виде синтеза природно-хозяйственных хрономотивов и разветвленной системы новых хроноперсонажей, подчиненных древнему ритуальному смыслу народной обрядности. Свой духовный смысл год являет через акт ритуального воспроизведения времени Господом согласно его Книге, Письму и Речению. В соответствии с озвученным законом, записанном в Книге Господа, олицетворенные календарные праздники и святые друг за другом отправляются в годовой путь. Каждый из них отвечает за движение своего отрезка времени, обеспечивая расцвет природы, явно или незримо участвуя в календарно отмеченных трудовых заботах крестьянина: «А святы Ляксе́й напярод пашоў, ...ён ключы панёс», «Святое Юр`е і з цёплай расой», «А святы Барыс ён коні пасець, ... усё барануець, ... пашню гатуець», «Святы Мікола ... па полю ходзіць – ён жыта родзіць», «Святая Тройца – колас раўнуець» и т. д. [6, с. 16]. В одной из песен круг завершается, когда приходят «Саракі да другіх Саракоў» [6, с. 116], то есть в день весеннего равноденствия (22 марта): тогда чудо очередного возрождения года в его весенней версии вновь повторяется на Великдень, следующий за Сороками.

Художественный мир, представленный в волочевых песнях предельно упорядоченный, идеальный, гармоничный, в нем человек чувствует себя свободно и комфортно. В современных записях представлены почти все их классические темы: приход Великодня, волочевники и их действия, славный пан господар и его заботливая жена, удивительные события во дворе и в доме, поэтический календарь природы и крестьянского труда, умножение богатства в домашнем хозяйстве и на поле. Если и есть незначительная, то она касается исключительно праздничной одежды: «Вялічка ідзець – нечага надзець, // Траўка-мураўка зялёна!* // Адзін кажухок – і той трабушок, // Адна хусцінка – тая лісцінка, // Адна куртачка – тая шурпачка,... // Адна сермяжка – і тая цяжка [6, с. 8]. Видимо, картина реальной жизненной ситуации накануне Великодня – необходимый фон для обрисовки картины полного достатка в дальнейшем: «У тваім гумне – усё умоліста, // Зялёны явар кудравы!* // У тваёй клеце – усё насыпіста, // У тваім млыня – усё умеліста, // У тваёй дзяжы – усё падходзіста, // У тваёй пячы – усё бухоніста, // За тваім сталом – усё насыпіста. // Гаспадару чэсць, слічну пану чэсць!» [6, с. 17]. Богатый наряд «пана гаспадара» обрисовывается в динамике одевания: славный пан в новой коморе «ў казловыя боты абуаецца, // Вясна красна на двары!* // Залатую сукню да на пашкі бярэ, // Шапку-бароўку кладзе на галоўку» [1, с. 71]. Данный прием явно коррелирует

с былинным, и, видимо, А. С. Лис имел определенные основания относить волочевые песни к эпическим произведениям [4, с. 48].

Со времен Е. Ф. Карского транслируется мнение, что волочевые песни «исключительно принадлежность белорусов: волочевых песен нет даже у малорусов» [3, с. 166]. Бытование волочевых песен на Смоленщине и в некоторых других областях России фольклористы объясняют проживанием там этнических белорусов. Однако существование подобной традиции отмечалось на польской, украинской и литовской территории в районах, пограничных с белорусскими. Здесь мелодические варианты одной и той же песни могли исполняться на польском, литовском или белорусском языках (Д. Вичинене, Г. Тавлай), называться *konopilki* (польск.) и *lalovimai* (лит.) (Г. Юзала, Р. Слюжинкас). Опираясь на работы польских и литовских фольклористов, этномузыковед Г. Тавлай посвятила обширную статью исследованию белорусских волочевых песен в полиэтническом контексте, связав его с рассмотрением некоторых вопросов генезиса и многоголосия [7].

Мифопоэтический анализ позволяет по-новому взглянуть на продолжающую оставаться дискуссионной проблему генезиса волочевых песен. Одни ученые считали исконно новогодними песнями зимние колядки и щедровки, другие отдавали пальму первородства весенним волочевым, повлиявшим, по их мнению, на формирование колядного фонда. В. И. Чичеров, исследовавший зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков, полагал, что в народной культуре новогодние обряды были издавна приурочены именно к зимнему солнцевороту, а мартовский новый год, который в средневековой Руси отмечался до 1348 г., – заносное явление, не соответствующее трудовым процессам. По его убеждению, «чуждость марта как новолетия быту и трудовой жизни русских подчеркивалась почти полным отсутствием обрядов, приурочиваемых к этой дате» [9, с. 68]. Однако на белорусской территории (за исключением юга и юго-запада) как раз был широко распространен и прочно укоренен новолетний волочевый обряд, имевший богатейшее поэтическое наполнение.

Как совершенно точно отметил А. Н. Зелинский, «год природы, или космический год, безначален во времени» [2, с. 256]. В равной степени значимыми «началами» и «переходами» были солнцевороты и солнцестояния. Волочевые песни по их связи с солнцестоянием равновелики колядным, связанными с солнцеворотом. Исследователи вправе относить их к новогодним величально-поздравительным песням, приуроченным в дохристианской традиции к весеннему равноденствию, то есть фактически к началу нового лета, нового хозяйственного года, о чем свидетельствует часто цитируемая концовка одной из них: // «Да ужо ж вам песня спета, // Песня спета проціў лета, // Проціў лета, лета цёплага, // Проціў году, году новага, // Проціў вясны, вясны краснае» [1, с. 58]. Компиляция двух календарных понятий –

лета и весны в их отношении к новому году позволяет сделать вывод о паритетном существовании в сознании фольклорного «автора» нового (весеннего) мифа наравне со старым (летним). Летний миф законсервировался в белорусских стреченьских песнях с мотивом прения зимы и лета, относящихся к празднику Стрэчанне / Грамніцы (рус. Сретение). В своем содержании они застыли на той стадии восприятия года, когда осознавались только эти два сезона.

Конечно, трудно не заметить сходства колядных и волочебных песен по функции, поэтике, образности, вплоть до идентичности некоторых текстов, но трактовать очевидный факт можно по-разному. Л. М. Соловей использовала данное обстоятельство, чтобы сделать вывод о первичности волочебных песен и мотивов [1, с. 8] и территории кривичской цивилизации как их геноцентре. В отличие от нее А. С. Лис полагал, что в формировании волочебной традиции практически участвовали все племена, заложившие

основу белорусской народности. В итоге он приходит к следующему выводу: «Валачобная традиция развивалась параллельно с старейшей этнакультурной традицией калядайнай» [4, с. 65].

Выводы

Вопрос остается открытым. Мы полагаем уместным принять к сведению мысль Н. И. Толстого о диалектности народной культуры праславян, что, по его мнению, позволяет, помимо прочего, сделать выводы генетического плана [8, с. 49]. При определенном совпадении ареалов волочебных и колядных песен ядро последних находится в Полесье, что можно рассматривать как результат былой диалектности календарно-обрядовой культуры протобелорусских племен, параллельного существования разных календарных систем и тем самым закрыть проблему исторического первородства волочебных или колядных песен как научно неактуальную.

Список литературы

1. Валачобныя песні / склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей, склад. муз. часткі В. І. Ялатаў; рэд. тома К. П. Кабашнікаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1980. 560 с.
2. Зелинский А. Н. Литургический круг христианского календаря // Календарь в культуре народов мира : сборник статей. Москва, 1993. 272 с.
3. Карский Е. Ф. Белорусы: в 3 т. Минск, 2007. Т. 3, кн. 1 : Очерки словесности белорусского племени. 584 с.
4. Лис А. С. Валачобныя песні. Мінск, 1989. 207 с.
5. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. Москва, 1996. 975 с.
6. Метадычныя ўказанні і ілюстрацыйны матэрыял да правядзення фальклорнай практыкі студэнтаў 1 курса філалагічнага факультэта. Выпуск 4 : Валачобныя песні. Мінск, 1998. 49 с.
7. Тавлай Г. Белорусские волочебные песни в полиэтническом контексте: некоторые вопросы генезиса и многоголосия // Аўтэнтчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антрапалага Зінаіды Мажэйкі) : зб. навук. прац / рэдкал.: В. Языковіч [і інш.]. Мінск, 2016. С. 227–238.
8. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва, 1995. 512 с.
9. Чичеров, В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков. Москва, 1957. 235 с.

References

1. Bartashevich, G. A., Salavei, L. M., & Kabashnikau, P. (1980). Valachobnyia pesni., 560. Ialatau; Minsk: Navuka i tekhnika.
2. Zelinskii, A. N. (1993). Liturgicheskii krug khristianskogo kalendara. Kalendar' v kul'ture narodov mira, 272. Moskva.
3. Karskii, E. F. (2007). Belarusy: v 3 t. Minsk. T. 3, kn. 1 : Ocherki slovesnosti belorusskogo plemeni. 584.
4. Lis, A. S. (1989). Valachobnyia pesni. Minsk. 207.
5. Losev, A. F. (1996). Mifologiya grekov i rimlian. Moskva, 975.
6. Metadychnyia ukazanni i iliustratsyiny material da praviadzennia fal'klornai praktyki studentau 1 kursa filalagichnaga fakul'teta (1998). Vypusk 4 : Valachobnyia pesni. Minsk. 49.
7. Tavlai, G. (2016). Belorusskie volochebnye pesni v polietnicheskom kontekste: nekotorye voprosy genezisa i mnogogolosiia. Autentychny fal'klor: prablemy zakhavannia, vyvuchennia, usprymannia (pamiatsi antrapolaga Zinaidy Mazheiki) : zb. navuk. prats, 227-238. Minsk.
8. Tolstoi, N. I. (1995). Iazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike. Moskva. 512.
9. Chicherov, V. I. (1957). Zimnii period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendara XVI-XIX vekov. Moskva. 235.

Информация об авторе

Ковалева Римма Модестовна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

Information about the author

Kovaliova Rimma Modestovna – candidate of philological sciences, leading research fellow of Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

Поступила в редакцию / Received 04.03.2022

Принята к публикации / Accepted 29.03.2022

Опубликована / Published 29.03.2022